

ПРЕПОДАВАТЬ ИЛИ НЕТ?

За все мои годы танца живота мне никогда не случилось его преподавать. «И слава богу» - думала я, а друзья и родственники говорили: «Как жаль, из тебя мог бы получиться прекрасный учитель».

Я обзавелась неизменными представлениями об учительствовании, словно музыкальная студентка во время полового созревания: «Нельзя быть учителем, пока не станешь первоклассной мировой звездой выступлений. Так на тебе не будет вины за смертный грех, за то, что ты повела другую, стремящуюся стать звездой, по неправильному пути». Стать звездой – трудная задача. И в итоге я не стала ни ей, ни учителем.

Мой разум, если не мое сердце, признавал, что такая позиция может быть ошибочна. Чтобы понять это, надо было присмотреться к моей подруге Реми, учившейся играть на скрипке во время наших первых двух лет колледжа. Однажды вместе с третьей скрипачкой мы исполнили каждая одну часть концерта соль мажор Моцарта с камерным оркестром колледжа. Дирижер, сам скрипач и человек большой харизмы, хотел, чтобы мы попробовали вкус этого блаженства, когда стоишь перед оркестром и солируешь. Хоть он и знал, что играть весь концерт по памяти перед огромной аудиторией – судьба одного из десяти миллионов, он подарил нам опыт, за что я ему благодарна.

Но было непохоже, что карьера концертной солистки нравилась Реми; у Реми были другие идеи, и цели ее были так же тверды, как и техника. Вместо того чтобы перейти в другой колледж или консерваторию в ее младом возрасте, она взяла и отправилась в Японию, учиться у виртуозного скрипача доктора Шиничи Сузуки, чьи уникальные методы усиления музыкального роста ребенка сейчас признаны всем миром и адаптированы ко множеству инструментов.

Позднее Реми сама стала учить по методике Сузуки. А я стала редактором и техническим писателем; талант мой наполовину унаследован, наполовину приобретен, но далек от того, что я считаю своим счастьем. Впрочем, эта история не о сожалениях, а о жизни, в которой, как и в танце, может случиться множество интересных и неожиданных поворотов.

Преподавать или нет?

Автор: Administrator
18.12.2012 10:17 -

Как беллиденсерша, деятельница искусства, которое далось мне тяжелее, чем музыка, но к которому я стремилась не менее упрямо, я твердо придерживалась собственного «кодекса» учительствования, пока в один прекрасный день прошлой зимы моя свояченица не упросила меня дать уроки. Жена офицера, она – активная участница Группы Поддержки Семей экипажа корабля мужа. «Почему бы не устроить что-нибудь особенное в февральскую встречу, тем более что так близко день Святого Валентина? Как насчет демонстрации уроков танца живота?»

Мой ответ вторил эхом моему кодексу: «Нет, с некоторых пор я не танцую, и никогда не преподавала, плюс наверное, я буду ужасно смотреться в костюмах, если они на меня вообще налезут, и наверное, я уже слишком старая для этого, и я не могу растянуть ноги так, чтобы прикоснуться лицом к полу, а все танцовщицы должны это уметь, потому что это – доказательство их гибкости».

«Но мне ты танец показывала! Я видела, как ты танцуешь, эти женщины никогда ничего подобного не видели и им понравится все, что ты им покажешь, все, чему научишь. Впереди еще восемь недель, к тому времени ты прекрасно влезешь в наряды».

Слова Беверли звучали убедительно. Я согласилась. Вообще, мои восьминедельные диеты часто съеживались до восьми дней. И в этот раз, когда я достигла двухнедельного срока, то струхнула. «Нет, не могу». Позвонила Беверли и все рассказала.

«Слишком поздно», - с удовольствием пропела она в ответ, - «Все уже запланировано».

«Ну, тогда у меня будут условия» - потребовала я, понимая, что она теперь не отстанет, - «В противном случае танцевать не буду. Мятный чай и баклаву, плюс мы сожжем большую часть коллекции масляных ламп Берта – для атмосферы».

«Пустяки», - ответила Беверли, - «Будет сделано».

Преподавать или нет?

Автор: Administrator
18.12.2012 10:17 -

В назначенный день мы прибыли в центр ухода «Navy day» с коллекцией масляных ламп – и хорошо, что с ней, потому что место оказалось совсем не живописным. Планировалось исполнить короткий трехчастный номерок с цимбалами, платком и тростью и после пригласить зрительниц дотанцевать вместе. Приглашения были написаны на папирусоподобных перевязанных рафией свертках и лежали в серебряных кубках (в таких же был чай и баклава). Неподалеку в боевой готовности стоял сундук с сокровищами, полный платков и шалей для моих «учениц».

В покоем на пещеру помещении висели полки с детскими игрушками, стояла дешевая мебель, и еще был яркий ковер с изображенным на нем «супом из букв» основных цветов. Мы закрыли раздвижную дверь, чтобы было побольше интимности, и перетянули ковер на «центральную сцену». Пока заваривался марокканский мятный чай, в спешке расставили столы в виде буквы U вокруг сцены. И в довершение зажгли масляные лампы и фимиам. Комната преобразилась.

Зрительницы были очарованы, и, конечно, пришли в полный восторг, когда узнали, что могут встать и принять участие в танце. Когда начался таксим, они выбрали себе убранство и начали повторять мои медленные движения, а я в трансоподобном ритме рассказывала длинную и далеко идущую историю танца. Заколдованные, они оживились, когда мы добавили повороты и вращения. Закончилось все беледи.

Я почувствовала, что быть в центре группы и наслаждаться восхищением «новеньких» прекрасно. Когда мои страхи испарились, я отчетливо поняла, что во время уроков танца, так же, как и во время выступлений, энергия течет в двух направлениях.

Все это напомнило мне мое собственное восхищение беллиденсом в середине семидесятых. Тогда я несколько раз занималась с похожей на кошку, слегка загадочной Нарайаной, и стала свидетельницей ее нескольких грациозных выступлений. Однажды, как гром среди ясного неба, примерно в полумиле от моих скучнейших мест, я наткнулась на «магазин», невесть откуда взявшийся в жилом районе. На витринах были размещены беллиденс-юбки (у меня ни одной еще не было), а на вывеске значились «танец» и «хатха-йога».

Примерно шесть раз я с благоговением совершала паломничество к магазину, чтобы посмотреть на юбки и заглянуть внутрь. Но магазин не подавал никаких признаков жизни, и в конце концов я набралась смелости и позвонила хозяйке, которая меня словно ждала.

Но я не была готова встретить такую аномальную женщину. Наверное, ей шел восьмой десяток, хотя тогда я подумала, что ей восемьдесят. Ее темно-серые волосы были длинные и спутанные, чуточку ведьмоватые, а тело облачалось в щедро украшенный вышивкой жакет с фестонами в виде блестящих бабочек. Она представилась Аквариус Мельхиор, но сказала, что я могу называть ее Йоги Мельхиор.

Она одела на меня мою первую беллиденс-юбку из золотой парчи. Эта круглая юбка с неправильно размещенными разрезами изменяла вид элементарного круга бедрами или восьмерки так, что, казалось, я не танцую, а занимаюсь какой-то религиозной практикой. Позже я буду носить круглые юбки с правильными разрезами, юбки с одним разрезом, прямые и гофрированные юбки, складчатые юбки, юбки из цехинов, египетские юбки, многослойные юбки, но никогда они не преобразят меня так, как сделала это простая парчовая юбка в тот день в том странном месте.

Впечатления от этой юбки были почти такими же сильными, как те с палубы «Великого Медведя», унесшего нашу семью в Америку, когда я увидела меловые клифы Дувра. Мне было девять лет, и эти клифы стали первым явлением чужой страны. Они появились в полчетвертого ночи, через несколько минут после того, как мы выбрались из густого тумана беспокойного Ла-Манша. Мы зачарованно глядели на них, не в силах унять дрожь. Этот волшебный ответ моего естества, как тот, который вызвала парчовая юбка, я уже никогда не смогу повторить в зрелые годы.

«Покажи мне, что уже знаешь», - сказала Аквариус Мельхиор, и стала смотреть, как я танцую по комнате. «Шаг, подъем» - вскричала она, когда я разошлась. Но спустя некоторое время Аквариус передумала. «Сейчас, дорогая, я покажу тебе что-то очень важное, я должна показать тебе йогу». Она широко расставила ноги и опустилась лицом на пол, а потом выполнила еще несколько движений, которых я не знала.

Я приходила к ней много раз, зачарованная и ее необычностью, и костюмами, и уроками. Мне казалось, для нее йога была важнее танца живота, который вызывал второстепенный интерес. Меня же, напротив, больше интересовали танец и юбки. Иногда она составляла мне компанию, и мы ходили в местный армянский ресторанчик смотреть на танцовщиц; Аквариус всегда с полной уверенностью сообщала мне, что они делали правильно, а что – нет, и у каких юбок были самые правильные разрезы.

Преподавать или нет?

Автор: Administrator
18.12.2012 10:17 -

Аквариус Мельхиор больше нет рядом, но, размышляя о ее удивительной эксцентричности, я прихожу к выводу, что для меня она – образец для подражания. Кое о чем я немного сожалею. Надо было быть внимательнее, ведь старушка не ошибалась насчет важности йоги.

Об авторе:

Чары беллиденса опутали Тею (Thea) в середине семидесятых, когда она жила в Пасадене, Калифорния. После переезда в Сан-Диего в 1978 году она продолжила учиться танцу и выступать с ним, одновременно стремясь к карьере технического писателя.

Хотя Тея до сих пор живо интересуется танцем живота и пишет статьи, стихотворения и комментарии к публикациям о танце, сегодня основное ее внимание сосредоточено на музыке. Она училась играть на классической скрипке еще в детстве, в Голландии. А сейчас у нее ученая степень по музыке Стэнфордского Университета. Окончив этот университет, Тея занялась освоением рекордера* и теперь выступает, играя на нем.

* *рекордер* - вид деревянной флейты, основная флейта барочной музыки (XVII - начало XVIII); стала снова популярна в XX веке с возникновением так называемого аутентичного исполнения)